

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИНДИИ
И ПАКИСТАНА К ОГРАНИЧЕНИЮ
ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ**

**Под редакцией
Алексея Арбатова, Владимира Дворкина,
Сергея Ознобищева**

**Москва
ИМЭМО РАН
2012**

УДК 327.37→341.67(54)
ББК 66.4(0)(57)
Перс 278

Вступительное слово академика А.А.Дынкина на конференции «Перспективы присоединения Индии и Пакистана к ограничению ядерных вооружений»

Авторский коллектив:

А.Г. Арбатов, А.Султан, П.В. Топычканов, В.И. Трубников,
Ш.К. Шарма

Перс 278

Перспективы присоединения Индии и Пакистана к ограничению ядерных вооружений. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 65 с.

ISBN 978-5-9535-0354-9

Настоящая публикация представляет собой девятую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NTI) под общим титулом: «Россия и глубокое ядерное разоружение». В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 18 октября 2012 г. в ИМЭМО РАН.

Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Prospects of engaging India and Pakistan in nuclear arms limitations

This is the ninth publication of the series titled “Russia and the Deep Nuclear Disarmament”, which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussion at the conference held in IMEMO RAN on October 18, 2012.

This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0354-9

© ИМЭМО РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО директора ИМЭМО РАН, академика А.А. Дынкина	5
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
1. «ЯДЕРНЫЙ СТАТУС» ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ И ПАКИСТАНА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ В.И. Трубников	11
2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА Ш.К. Шарма	21
3. ПОДХОД ПАКИСТАНА К ПРОБЛЕМЕ КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМ ВООРУЖЕНИЕМ А.Султан	30
4. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА П.В. Топычканов	36
5. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА К ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ А.Г. Арбатов	49
ВЫВОДЫ	55
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	60
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Список участников конференции, состоявшейся 18 октября 2012 г. в ИМЭМО РАН	62

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

директора ИМЭМО РАН, академика А.А. Дынкина

Уважаемые участники конференции!

Благодарю всех, кто откликнулся на наше приглашение принять участие в сегодняшней конференции. Особую признательность выражаю послу Шилу Канту Шарме – авторитетному индийскому специалисту по проблемам безопасности, широко известному в международном стратегическом сообществе. Он любезно согласился приехать к нам и выступить с докладом на сегодняшнем заседании. Также благодарю представителей посольств Индии, Пакистана и ряда других государств в Москве, которые приняли наше приглашение участвовать в конференции.

Сегодня мы обсуждаем тему: «Перспективы присоединения Индии и Пакистана к ограничению ядерных вооружений». Напомню, что это третья из намеченных на 2012 год трех конференций в рамках второго этапа совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI). Как вы знаете, руководят этим уважаемым фондом известные во всем мире американские деятели г-н Тернер и сенатор Нанн.

Ныне Россию и США разделяют большие разногласия по вопросам ядерного разоружения. Одной из точек соприкосновения интересов двух держав является необходимость расширения круга государств – участников процесса ядерного разоружения. После 20 лет глубоких сокращений ядерных вооружений России и США пришла пора поставить вопрос и о третьих ядерных государствах. Именно эта предпосылка лежит в основе проекта ИМЭМО-NTI текущего года.

На двух предыдущих конференциях мы детально рассмотрели проблемы участия в процессе разоружения Великобритании, Франции и Китая. Проведенный анализ дал весьма интересные результаты и вызвал оживленные споры

специалистов и политиков, многие вопросы требуют дальнейшего изучения. По их итогам опубликованы две брошюры на русском и английском языках.

Одним из первых результатов нашего исследования является то, что среди нынешних девяти ядерных государств (включая Северную Корею) имеют место весьма неоднородные военно-стратегические отношения. При этом отношения взаимного ядерного сдерживания при примерной сопоставимости сил, которые стали основой процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений СССР/России и США, – это скорее исключение, а не правило. Помимо России и США таких отношений нет между другими ядерными государствами.

Единственное исключение – Индия и Пакистан. Но в отличие от сравнительно благоприятной стратегической базы, в их отношениях присутствуют огромные политические трудности для начала диалога об ограничении вооружений, включая и фактор третьей стороны регионального ядерного баланса в лице Китая.

В этом, коротко говоря, заключается уникальность, сложность и большая важность темы сегодняшнего обсуждения. Надеюсь, что оно позволит продвинуться в понимании проблем и поиске их решения.

Желаю участникам конференции интересной и плодотворной работы в стенах нашего Института.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В предлагаемой работе, основанной на материалах конференции, прошедшей в ИМЭМО РАН, представлены оценки перспектив и возможностей присоединения Индии и Пакистана к процессу ограничения ядерных вооружений. Само возникновение и совершенствование ядерных потенциалов этих двух стран бросает вызов режиму нераспространения и является иллюстрацией к тому кризису, в котором этот режим в настоящее время находится.

Фактически, речь идет об активизирующейся гонке ядерных вооружений между Индией и Пакистаном и в регионе Южной Азии в целом, растущей опасности применения здесь ядерного оружия.

Известные эксперты на страницах данной работы представляют развернутый анализ внешних и внутренних факторов, создающих стимулы для обретения обеими странами ядерного статуса. Представители Индии и Пакистана предлагают свои, основанные на «национальном понимании», аргументы в пользу необходимости развития ядерных потенциалов. Российские специалисты по проблемам региона дают взвешенный анализ характера и направлений развития ядерных программ сторон, имеющих взглядов относительно роли ядерного оружия и концепций его применения.

Все свидетельствует о том, что на нынешнем этапе Индия и Пакистан далеки от поиска договоренностей по ограничению, не говоря уже о сокращении, ядерных арсеналов. Периодически обостряющиеся отношения между ними чреватые боевым применением ядерного оружия, требуют принятия мировым сообществом срочных мер для ограничения ядерных амбиций Дели и Исламабада, повышения уровня безопасности в регионе в целом.

В работе предлагается ряд практически значимых рекомендаций по возможностям вовлечения Индии и Пакистана в процесс ограничения ядерных вооружений.

ВВЕДЕНИЕ

Кризис режима нераспространения, ставший одной из острых проблем международной безопасности последнего времени, в полной мере проявляется и в регионе Южной и Юго-Восточной Азии. Наряду с северокорейской и иранской ядерными и ракетными программами, которые на протяжении многих лет расшатывают режим нераспространения, исключительно большую озабоченность мирового сообщества вызывает растущее ракетно-ядерное противостояние Индии и Пакистана. Фактически, речь идет о возникшем новом очаге гонки ракетно-ядерных вооружений, которая подрывает региональную и глобальную безопасность.

Положение усугубляется целым комплексом сопутствующих проблем, которые подхлестывают эту гонку. Тлеющий территориальный конфликт вокруг Кашмира, не раз являвшийся причиной вооруженных столкновений Индии и Пакистана, может впредь эскалировать к обмену ядерными ударами. Это и встающая, в последнее время, во весь рост проблема терроризма, перерастающая в межгосударственное противостояние. Это религиозные противоречия, внутренняя политическая нестабильность в Пакистане и многое другое.

Все это обуславливает крайне низкий уровень взаимодействия по снижению «ядерных рисков» и накладывается на отсутствие какой-либо значимой системы договорных отношений в данной области. Дело усугубляется проблемами начального этапа становления ядерных потенциалов Индии и Пакистана, для которого характерны большая уязвимость ядерных средств в местах базирования, низкая эффективность систем управления и предупреждения о нападении, незрелость, неясность и текучесть официальных доктрин в части роли ядерного оружия в национальной военной стратегии, условий и способов его применения.

Не облегчают положение имеющий сегодня место общий застой в процессе сокращения и ограничения вооружений, вялость и постоянно меняющийся тон диалога России и США, их разногласия вокруг «арабской весны», проблем Сирии и Ирана, а также снижение влияния Москвы и Вашингтона на политику Дели и Исламабада. Кроме того, внимание ведущих держав в значительной степени поглощено поисками выхода из финансово-экономического кризиса.

В итоге имеет место явный дефицит стимулов и возможностей противодействия нарастающему ракетно-ядерному противостоянию Индии и Пакистана. Отсутствуют концептуальные и организационные решения этой проблемы, по которым имелся хотя бы частичный консенсус ведущих ядерных держав, мирового сообщества в целом.

Предлагаемая брошюра, основанная на материалах конференции, прошедшей в ИМЭМО РАН 18 октября 2012 г. в рамках совместного проекта с фондом «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI), преследует цель сформулировать некоторые практически значимые предложения по смягчению напряженности и урегулированию индийско-пакистанской ракетно-ядерной конфронтации.

1. «ЯДЕРНЫЙ СТАТУС» ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ И ПАКИСТАНА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

В.И. Трубников

20 октября 2012 г. исполняется полвека событию, которое сыграло важнейшую роль в отношениях независимой Индии и народного Китая в современной истории. Индийские вооруженные силы потерпели сокрушительное и, как до сих пор считают в Индии, «унизительное» поражение в конфликте с народно-освободительной армией Китая в безлюдной пустоши Гималаев. Полный разгром Индии был предотвращен через месяц односторонним прекращением огня Китаем и отходом китайских войск на позиции, которые сегодня обозначены как «линия фактического контроля». Английские правители оставили в наследие молодой независимой Индии (а также Пакистану) не только кровоточащую рану раздела на два государства, но и неурегулированные внешние границы на севере страны, с Тибетом, чье соприкосновение с Британской Индией в виде линии Макмагона и линии Маккартни-Макдональда не было взаимно признано как индийско-китайская госграница. Последствия конфликта в виде территориального, пограничного спора не только живы до сих пор, но относятся к основному противоречию между двумя странами, повлиявшему на все аспекты внешней, военной и внутренней политики Индии и КНР.

Индия пыталась решить пограничную проблему в конце 50-х годов прошлого века явочным порядком, путем восстановления статус-кво в Гималаях за счет унаследованной от англичан тактики «forward policy», т.е. путем военного продвижения к рубежам, которые она считала своей границей. Однако сокрушительный военный ответ Китая не только показал неэффективность этой тактики, но и заставил Индию заново взглянуть на соседа, и не

только как конкурента за влияние в регионе, но и мощную военную силу в Азии, требующую от Индии адекватных мер выравнивания стратегического баланса сил.

Именно здесь лежат истоки и корни борьбы Индии за «ядерный статус» для себя, начавшейся после первого китайского ядерного взрыва в 1964 г. Оценка правительством Индии международной обстановки того периода подсказывала индийским руководителям, что никто не собирается отстаивать ее безопасность, кроме ее самой. А для этого, кстати, в стране существовал основательный научный потенциал в виде соответствующих исследовательских центров, возглавляемых индийскими учеными с мировыми именами, такими, как физик-атомщик Хоми Бхабха и создатель ракетной техники Индии Викрам Сарабхаи. Их усилиями были основаны и успешно функционируют сегодня головные научные центры в виде Комиссии по атомной энергии Индии и Индийской организации космических исследований. Именно усилиями этих двух индийских организаций, располагающих широкими связями с аналогичными институтами ведущих ракетно-ядерных государств – бывшего СССР, а ныне – России, США, Великобритании, реализовывались военные атомная и ракетная программы страны. Свой потенциал индийцы усиливали за счет обучения своих специалистов в ведущих, лучших ВУЗ'ах за рубежом и стажировки в научно-практических организациях типа «Интеркосмоса» в СССР и НАСА в США, Воронежской АЭС в СССР и России. К чести Индии следует подчеркнуть ее безупречную репутацию как страны, которой никогда не предъявлялись претензии по поводу участия в сомнительной деятельности в сфере нераспространения ракетно-ядерных технологий. Свой ядерный потенциал, как и ракетный, Индия наращивала за счет легального взаимодействия с зарубежными партнерами и собственных усилий.

Тем не менее первый взрыв индийского «мирного ядерного устройства» в 1974 г. застал весь мир и, прежде всего, государства – члены т.н. ядерного клуба врасплох. Ни одна зарубежная разведслужба не проинформировала свое правительство ни о политическом решении индийского правительства во главе с И. Ганди, ни о подготовке к реализации этого решения на подземном полигоне Покхаран в раджастханской пустыне близ

границы с Пакистаном. Но именно этот взрыв, означал решающую ступеньку для Индии по лестнице к ее «ядерному статусу», о котором она объявила после серии ядерных взрывов, осуществленных в мае 1998 г. Пакистан, всерьез воспринявший индийский взрыв 1974 г. и переживавший свое поражение в конфликте с Индией 1971 г., которое вылилось в откол от Пакистана его восточной части и появление в Южной Азии нового государства – Бангладеш, не замедлил с ответом. 28 и 30 мая прогремели взрывы пакистанских ядерных устройств, означавшие и его де-факто вступление в ряды претендентов на «ядерный статус». Южно-азиатское противостояние двух государств, переживших три вооруженных конфликта между собой, пополнилось ядерной составляющей, подталкивающей гонку обычных вооружений между ними, первенство в которой оставалось за Индией, к критической и, в самом худшем случае, катастрофической черте.

Хотел бы подчеркнуть, что в моем понимании термин «ядерный статус» в преломлении к обладанию этим статусом Индией и Пакистаном, не имеет никакой международно-правовой, т.е. юридической нагрузки. Дело в том, что обе эти «ядерные державы» не могут быть признаны таковыми с точки зрения международного права.

Понятие «держава, обладающая ядерным оружием» относится, согласно Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), только к тем странам, которые провели военное ядерное испытание до того, как этот договор был открыт для подписания в 1967 г. Следовательно, ни Дели, ни Исламабад не могут претендовать на этот статус, если исходить из понятий, заложенных в ДНЯО.

Если же начать пересматривать ДНЯО и признать Индию и Пакистан ядерными державами, то, без сомнения, это будет означать фактический конец этого договора, и весь современный режим ядерного нераспространения, базирующийся на ДНЯО, рухнет. В случае столь радикального изменения Договора следует логичный вывод – получится, что страны, не подписавшие ДНЯО, не поставившие свою ядерную инфраструктуру под гарантии МАГАТЭ и успешно реализовавшие военные ядерные программы, не только не стали «изгоями» законопослушного мирового сообщества, которое придерживается данных требований, но еще и

приобрели весомый политический выигрыш. Весьма вероятно резко негативная реакция стран, в свое время добровольно отказавшихся от военных ядерных программ и присоединившихся к ДНЯО (ЮАР, Бразилия, Аргентина), которая может привести к пересмотру ими своей политики в этой области. Распад системы ядерного нераспространения сейчас, когда чувствительные ядерные технологии становятся все более доступными, имел бы чрезвычайно негативные последствия для всех стран, в т.ч. и официальных ядерных держав. Поэтому, несмотря на фактическое обладание Индией и Пакистаном ядерным оружием, никто не спешит с их юридическим признанием в этом качестве.

Однако чем дальше, тем более абсурдной выглядит такая ситуация. Споры нет, официальное признание обоих южноазиатских новых ядерных государств было бы крайне нежелательным, но и игнорировать их обладание военным ядерным потенциалом равнозначно позиции страуса, спрятавшего голову в песок, – тем более что ни индийцы, ни пакистанцы позитивно реагируют на призывы присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных стран явно не собираются. Выход из этого заколдованного круга представляется делом, требующим осторожного, взвешенного подхода и самой тщательной юридической проработки вопроса. Собственно, эти подходы мы и пытаемся нащупать в ходе дискуссии на нашей конференции.

Представляется целесообразным говорить о «ядерном статусе» Индии и Пакистана, сопоставляя или противопоставляя роль и значение наличия у обоих государств ракетно-ядерного оружия в их внешней и внутренней политике.

Для Индии «ядерный статус» – это символ фактической принадлежности к державам не только с региональными, но и глобальными интересами и соответствующими позициями, способствующими их отстаиванию в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего в рамках ООН и ее Совета Безопасности, на место постоянного члена в котором Индия последовательно, но пока безуспешно претендует. Наличие ядерного оружия де-факто уравнивает Индию с «ядерной пятеркой» постоянных членов Совета Безопасности. Индия напряженно ожидает и активно лоббирует за реформирование и модернизацию этой универсальной международной организации, в которой она

намерена выйти на новые позиции при поддержке испытанного и надежного стратегического партнера в лице России и за счет содействия США, отношения с которыми, в т.ч. в рамках договоренностей о мирном ядерном сотрудничестве 2008 г. (Соглашение «1-2-3»), становятся все ближе и разностороннее. Статус постоянного члена СБ ООН уравнил бы Индию в международном статусе с главным конкурентом в Азии – КНР, и превратил бы ее из объекта использования права вето великими державами в субъект такого права.

Пакистан же свой «ядерный статус» в международном контексте ассоциирует с лидерством и авторитетом в исламском мире, поскольку является единственным мусульманским государством, обладающим ракетно-ядерным оружием. Подмоченная активностью пакистанского ученого, а теперь по совместительству политика – Абдул Кадир Хана репутация как страны-пролиферанта ракетно-ядерных технологий имеет для Пакистана и «позитивный» подтекст – возможного «донора» таких технологий для других исламских государств, среди которых международные эксперты достаточно часто называют Саудовскую Аравию, весьма щедро субсидирующую военные заказы Исламабада за рубежом.

Не лишен внешнеполитического смысла пакистанский «ядерный статус» в рамках его членства в такой международной организации как Южноазиатская Ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), где Пакистан – единственная страна Южной Азии, кроме Индии, обладающая подобным статусом и претендующая в этой связи на роль политического противовеса бесспорному лидеру организации.

В военном же смысле, «ядерный статус» Индии нацелен на сдерживание своего главного стратегического противника, которым, по преобладающей оценке политических и военных международных экспертов, включая самих индийцев, остается Китай. Индию не может не беспокоить последовательное и быстрое наращивание военной мощи КНР и, в частности, заметное усиление китайских ВМС и их активности в районе Южно-Китайского моря с его спорными островами и гидрокарбонатными богатствами. Этот фактор, помимо неурегулированного пограничного спора с Китаем на севере Индии, в том числе в штате Джамму и Кашмир, а также

Аруначал Прадеше, накладывается на один из ярко выраженных векторов индийской внешней политики, направленных на повышение влияния Индии в соседних ключевых регионах, в частности, в Юго-Восточной Азии.

Учитывая, что усиленное экономическое проникновение в Юго-Восточную Азию Китая также сопровождается повышением его военной активности в акватории Южных морей, именно данный регион может рассматриваться как сфера вероятного непосредственного столкновения военно-политических интересов Индии и Китая.

Направленность внешнеполитического и военного планирования Индии на протяжении последнего десятилетия показывает, что китайский фактор оказывает на Дели значительное воздействие. По мнению британских специалистов, наблюдаемый с середины 90-х годов быстрый рост активности индийского флота в водах Юго-Восточной Азии вызван именно курсом на противодействие расширению сферы господства китайского флота. Как подчеркивает «Джейнс Дифенс Уикли», если до середины 90-х годов Индия сравнительно мало обращала внимание на акватории Южных морей, то в начале XXI века для Дели «стратегическим стремлением является достижение контроля над Малаккским проливом, или, по меньшей мере, возможности угрожать ему».

Соотношение обычных вооруженных сил Индии и Китая в настоящее время складывается не в пользу Индии, что подтверждается исследованиями, например, экспертов агентства «Джейнс». Так, программа совершенствования НОАК имеет целью, помимо прочего, создание сил быстрого реагирования численностью до 10–15% от всех вооруженных сил Китая, что составит около 200–300 тыс. человек. Эти силы должны стать передовой группировкой, которая может быть развернута на необходимом направлении в течение суток. То есть Китай получит способность перебросить в короткое время в любой район страны – и, видимо, на индийскую границу в том числе – войска, равные по численности трети всех сухопутных сил Индии. Общее подавляющее превосходство Китая над Индией в области сухопутных сил и ВВС на современном этапе во всех отношениях не вызывает сомнений у аналитиков, а с учетом процесса

радикальной модернизации Китая своих вооруженных сил, Пекин может получить еще большее превосходство.

По этим причинам возрастает военное значение индийского «ядерного статуса» как фактора сдерживания китайского соперника. Следует подчеркнуть, что непосредственно перед проведением ядерных взрывов в мае 1998 г. Дели официально, устами тогдашнего министра обороны Индии Джорджа Фернандеса определил «китайскую угрозу» в качестве главной причины, вынудившей Индию переступить т.н. ядерный порог. Действующая ядерная военная доктрина Индии содержит в себе все элементы для подтверждения такого толкования индийского «ядерного статуса». Вкратце эти элементы сводятся к следующему:

- Индия намерена создавать и развивать потенциал минимально разумного сдерживания;
- Индия провозглашает принцип неприменения ядерного оружия первой – ядерное оружие может быть применено только в качестве ответа на ядерное нападение на территорию страны или индийские вооруженные силы, где бы то ни было;
- ответный ядерный удар, который может быть нанесен только с санкции гражданского политического руководства страны, будет массированным, с расчетом нанести непоправимый ущерб;
- ядерное оружие не может быть применено против неядерного государства;
- в случае широкомасштабного военного нападения на Индию или индийские вооруженные силы, где бы то ни было с применением химического или биологического оружия Индия оставляет за собой право ответа ядерным ударом;
- Индия продолжает строго придерживаться международных режимов в сфере контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий;
- Индия подтверждает свое участие в переговорах по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов, продолжает придерживаться объявленного ею моратория на проведение ядерных испытаний и вновь подчеркивает свою приверженность цели всеобщего и полного ядерного разоружения.

Военное значение этих элементов индийской ядерной доктрины в преломлении к Пакистану, несмотря на их

недостаточную ясность и существенную дистанцированность от однозначности понимания Индией провозглашенного ее руководителями принципа «максимальной убедительности минимального сдерживания», по сути, сводится к способности Индии нанести Пакистану неприемлемый ущерб в результате ответного ядерного удара. Экономический и военный, в т.ч. и ядерный, потенциалы Пакистана, которые, по оценкам отдельных, возможно, излишне смело настроенных индийских политиков, не превышают аналогичных потенциалов «большого Бомбея», конечно, вряд ли позволят трезвым пакистанским политическим и военным руководителям думать категориями обезоруживающего ядерного удара по Индии первыми. Естественнее будет рассчитывать на политически неприемлемый для Индии пакистанский ядерный удар по густонаселенным городам – мегаполисам. И в этом – военный смысл пакистанского «ядерного статуса».

И, наконец, несколько слов о роли «ядерного статуса» в области внутренней политики Индии и Пакистана. Для Индии главным в этой связи является полный внутривнутриполитический консенсус между основными общенациональными партиями-соперницами в борьбе за власть в стране – Индийским национальным конгрессом (ИНК) и «Бхаратия джаната парти» (Индийской народной партией) – индуистской политической силой. Однако ядерный фактор тактически используется ими в периоды критического противостояния во внутривнутриполитических схватках. В частности, решение о проведении последних ядерных испытаний приняло коалиционное правительство во главе с «Бхаратия Джаната парти», которая в своем предвыборном манифесте обещала перейти «ядерный порог». При принятии этого решения учитывалось сложное внутривнутриполитическое положение, в котором в начале 1998 г. оказалось правительство, имевшее незначительное и неустойчивое большинство в парламенте. Учитывалось также, что курс на собственный «ядерный выбор» пользовался широкой внутривнутриполитической поддержкой и рассматривался как основа обороноспособности и независимости страны, а отказ от него расценивался как предательство национальных интересов. В этих условиях выполнение одного из предвыборных обещаний «Бхаратия Джаната парти» – переступить через «ядерный порог» должно было

способствовать стабилизации положения в стране и укреплению позиций правящей коалиции.

Эти предположения оправдались: результаты опроса, проведенного в Индии 26–27 мая 1998 г., т.е. после проведения ядерных испытаний, показали, что более 80% респондентов одобрили решение правительства об испытаниях ядерного оружия, а 65% согласились с тем, что ядерные испытания были проведены в интересах национальной безопасности. В атмосфере поднявшейся националистической волны позиции правительства укрепились.

Не менее прочный внутривластный консенсус различных политических сил вокруг «ядерного статуса» страны как фактора укрепления безопасности Пакистана и сдерживания военной мощи соседней Индии сложился и в этом исламском государстве. Вряд ли можно заметить также какие-либо значимые черты, отличающие отношение к этому фактору авторитарного военного режима генерала Мушаррафа, ответившего «адекватным» шагом через «ядерный порог» на индийские атомные испытания в мае 1998 г., от отношения к своему «ядерному статусу» последовавших за уходом со сцены военного режима череды демократических правительств Пакистана. Этот статус цементирует внутренние связи различных по этническому признаку провинций и территорий страны, для которых, в отличие от Индии, демократические методы решения сложных внутренних проблем и поддержания политической стабильности еще далеко не стали нормой.

Вместе с тем любое расшатывание стабильности в стране внутренними и внешними обстоятельствами вызывает усиление обеспокоенности международного сообщества – и Индия, и Россия, и США не являются здесь исключением – за сохранность пакистанского ракетно-ядерного потенциала под контролем ответственного политического и военного руководства с тем, чтобы не допустить «прорыва» к этому «гремучему» потенциалу исламских экстремистов, в которых в Пакистане нет недостатка.

Безусловно, ситуация с «ядерным статусом» Индии и Пакистана не столь однозначна и остра, как это может казаться из моего сообщения. Существуют и развиваются факторы двустороннего и многостороннего порядка в отношениях Индия–Китай, Индия–Пакистан, которые направлены на смягчение и

снижение накала противостояния в этих отношениях. Но пока что они еще не стали превалирующими над факторами конкуренции, соперничества и противостояния. Вероятно, это – дело будущего.

2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Ш.К. Шарма

О положении в Индии и Пакистане. Вначале имеет смысл дать краткий анализ ситуации в Индии и Пакистане. Индия занимает заметное место в мире и играет в нем важную роль, благодаря своим размерам, демократической системе, плюрализму и светскому характеру общества, а также уровню экономики страны, ее колоссальному влиянию и вкладу в систему ООН. В то же время Индия хорошо осознает и существенную ограниченность своих возможностей как развивающегося государства, а также наличие жесткого императива для проведения внутренних глубоких социально-экономических преобразований. Тем не менее Индия рассчитывает на признание ее выдающихся достижений в ядерной, космической и других высокотехнологичных отраслях, учета огромного потенциала ее людских ресурсов, а также быстрого развития экономики.

В свою очередь Пакистан представляет собой единственное исламское государство, обладающее ядерным оружием и стремящееся, во что бы то ни стало, не отставать от Индии и конкурировать с ней. Для его государственной системы характерно влияние армии на политику и экономику страны. Пакистан чувствителен к вопросам своей идентичности, и в последние десятилетия довел политику идентичности до ее самых крайних проявлений. В настоящее время он проходит период исключительной внутренней нестабильности, неразберихи в экономике и борьбы против терроризма и экстремизма. В то же время Пакистану свойственно весьма неоднозначное отношение к проблеме джихада и к проявлениям терроризма на своей

территории, а также заявлениям о том, что он использует терроризм как инструмент государственной политики.

И Индия, и Пакистан густо населены и вместе составляют бурно развивающийся гетерогенный субрегион Азии, который в рейтинге по всем индексам развития человека, хоть и может числиться перед странами Африки к югу от Сахары, но имеет при этом огромный потенциал развития. Индия в 6 раз больше Пакистана, а ее экономика еще крупнее. С тех пор, как у Пакистана появилось ядерное оружие, регион балансирует на грани ядерной войны из-за потенциального риска эскалации любого двустороннего конфликта с Индией до уровня ядерного.

Существуют три главных фактора нестабильности: возможность перерастания вооруженного конфликта в ядерный, внутренняя нестабильность в Пакистане, оказывающая влияние на внешнюю среду, а также риск нанесения первого ядерного удара вследствие случайности, ошибки, просчета или недостаточного обеспечения физической безопасности ядерных средств.

Что касается возможных подходов к решению этих проблем, включая проблему стабильности – важно понимать разницу в восприятии нынешнего положения дел Индией и Пакистаном, в том, как они проецируют это восприятие на будущее, как учитывают современную ситуацию в двустороннем диалоге и, наконец, в том, как внешние силы воздействуют на это положение и используют собственные возможности для влияния на него.

Проявления нестабильности. Говоря о степени нестабильности, включая возможность перерастания вооруженного столкновения в ядерный конфликт, можно привести в пример некоторые случаи, которые были по-разному описаны обозревателями внутри и вовне региона.

Операция «Брасс Трэкс» 1987 г. Во время этой операции широкомасштабные индийские военные учения, проходившие вблизи индо-пакистанской границы, привели к срочной мобилизации пакистанских войск на границе, и на фоне возрастающего риска пограничного столкновения Пакистан предпочел раскрыть факт обладания ядерным оружием посредством специально организованного интервью Абдула Кадыр Хана индийскому журналисту в Лондоне. Это было воспринято как

возможная угроза ядерной войны, и проблема была решена путем двусторонних переговоров между Индией и Пакистаном.

Миссия Гейтса 1990 г. После вывода советских войск из Афганистана Индия считала, что Пакистан перенаправил своих джихадистов с афганской границы в индийскую часть штата Джамму и Кашмира, что привело к актам массового насилия и хаосу и вынудило Индию, в свою очередь, развернуть войска в этом штате. Заместитель министра обороны США Роберт Гейтс посетил Джамму и Кашмир в мае 1990 г. с целью разрядить обстановку, которая была обострена еще и обнаружением ядерного оружия у Пакистана.

Каргильский конфликт 1999 г. Пакистанские регулярные войска, одетые под джихадистов, оккупировали индийскую сторону Линии контроля (ЛК) в Кашмире, заняв тактически важные высоты в Каргиле. В итоге Индии пришлось мобилизовать свои сухопутные войска и ВВС, чтобы изгнать пакистанских оккупантов в ходе ожесточенных боев летом 1999 г., когда возрос риск применения ядерного оружия.

Операция «Паракрам» 2001–2002 гг. Вслед за нападением террористов на индийский парламент во время его сессии в декабре 2001 г., следы которого вели в Пакистан, Индия привела свои войска в полную боевую готовность вдоль всей границы с Пакистаном. Это вызвало ответные действия Пакистана и угрозу применения ядерного оружия. Войска двух стран противостояли друг другу на протяжении 10 месяцев, в течение которых напряженность дважды достигала своего пика. Конфликт окончился в октябре 2002 г.

Кризис, спровоцированный событиями 26 ноября 2008 г. Дерзкая атака пакистанских террористов в Бомбее 26 ноября 2008 г. началась с высадки террористов, прибывших морем, которые открыли беспорядочную стрельбу в оживленном центральном железнодорожном вокзале и удерживали заложников в двух пятизвездочных отелях и гостинице еврейского центра. Индийскому спецназу потребовалось три дня, чтобы уничтожить боевиков и освободить заложников, но сотни человек, включая постояльцев гостиниц, пассажиров и иностранных туристов погибли. У индийского правительства были доказательства того, что эти операции проводились и контролировались из Пакистана, в том

числе пакистанской армией и Межведомственной разведкой (ISI). Один пакистанец был захвачен полицией в Бомбее. Ситуация была чревата серьезной эскалацией конфликта с учетом того, что индийская общественность была в ярости. Стандартные опровержения со стороны Пакистана сопровождались угрозой применения ядерного оружия.

Необходимо подчеркнуть, что официальная государственная военная концепция Пакистана, предполагающая готовность к применению ядерного оружия была ключевым фактором в этих кризисах.

Существует ряд факторов нестабильности в Пакистане, а именно: «талибанизация» пакистанской армии, рост расходов Пакистана на содержание армии для борьбы с Талибаном, вероятность того, что пакистанская политика проводится джихадистами, в то время как основные политические институты фактически бездействуют. Известны и два экстраординарных случая нападения вооруженных экстремистов на хорошо охраняемые военные базы вблизи Исламабада и Карачи, повлекшие рост опасений относительно того, что радикальные джихадисты могут получить доступ к ядерному оружию.

Обострение подобных ситуаций влечет за собой риск применения ядерного оружия. У Пакистана нет ядерной доктрины как таковой, но есть действующая, именно в отношении Индии, концепция применения ядерного оружия в случае, как было заявлено одним высокопоставленным военным чиновником Пакистана, пересечения «красных линий», а именно:

- территориальная линия – если Пакистан подвергнется нападению и будет захвачена существенная часть его территории;
- военная линия – если произойдет уничтожение значительной части пакистанских военно-воздушных/сухопутных сил;
- экономическая линия – если Индия нанесет серьезный экономический урон Пакистану;
- политическая линия – если Индия спровоцирует политическую дестабилизацию или совершит диверсию в Пакистане.

По мнению другого высокопоставленного авторитетного представителя Пакистана, наличие ядерного оружия, среди прочего,

имеет целью «побудить Индию изменить свои цели, стратегию, тактику и оперативную концепцию». Такая цель намеренно содержит в себе определенный крен в сторону иррационального и неограниченного применения ядерного оружия.

Ядерная доктрина Индии, напротив, предусматривает неприменение ядерного оружия первыми, но подразумевает гарантированное массированное возмездие в случае, если по Индии будет нанесен первый ядерный удар.

Индия и Пакистан утверждают, что ключом к обеспечению их безопасности является стратегия эффективного минимального сдерживания.

Индия и Пакистан: разные подходы в политике. Индия подходит к решению проблем дипломатическими средствами, направленными на то, чтобы гарантировать прекращение организуемых против нее в Пакистане террористических актов, проведение судебного процесса и признания виновными обвиняемых в совершении теракта 26 ноября, в том числе террористическую организацию «LeT» (террористическая организация «Лашкар-и-Тайба» – «Армия Господа»). С точки зрения Индии, это привело бы к укреплению доверия между двумя странами. В то же время Индия стремится к организации диалога с целью установления атмосферы доверия, способствует расширению двусторонней торговли, включая предоставление ей Пакистаном режима наибольшего благоприятствования, и готова идти на односторонние уступки в сфере торговли. Индия делает акцент на взаимодействии между народами, она участвовала в двустороннем диалоге с Пакистаном по вопросу мер укрепления доверия, хотя и он и был прерван. Индия считает, что в основе ее безопасности лежат постулаты, которые значительно отличаются от тех, на которых зиждутся основы безопасности Пакистана. Она рассматривает оказываемую Пакистану внешнюю помощь в военной, ядерной и ракетной сферах как фактор, подрывающий региональную стабильность.

Со своей стороны Пакистан решительно отрицает свою причастность к террористическим актам против Индии и заявляет, что он сам является жертвой терактов. Исламабад стремится к разрешению конфликта и урегулированию спора с Индией и заявляет, что заминки в этом процессе являются источником

проблем. Пакистан осторожно относится к вопросу расширения торговли и контактов между двумя странами, поскольку обеспокоен их возможным влиянием на ситуацию внутри страны. Он утверждает, что его поддержка террористов в Джамму и Кашмире была сугубо политической и в этом смысле она не будет уменьшаться, и что он намерен привлекать помощь извне в самых разных сферах, с тем чтобы достичь военного паритета с Индией. Пакистан продолжает наращивать численность своих ядерных боеголовок и ракет в связи с угрозой безопасности, исходящей именно со стороны Индии.

Индия и Пакистан периодически вступают в переговоры. Однако двусторонний диалог был прерван из-за терактов, произошедших в Индии и предположительно организованных в Пакистане. Официальные встречи проводятся на всех уровнях – от глав государств и правительств до министров, включая министров торговли, внутренних дел, а также на уровне министров иностранных дел, но прогресс на этих встречах шел медленно и был ограничен узкой повесткой дня. Оба государства испытывают взаимное недоверие, которое препятствует двусторонним инициативам в вопросах безопасности. Тем не менее Индия и Пакистан постоянно проводят встречи и одновременно используют неофициальные каналы получения информации.

Для двустороннего диалога и ситуации в целом важно восприятие и воздействие третьих стран. В исторической перспективе эти факторы можно представить в терминах холодной войны и с позиции реальной политики. Пакистан получил постоянную поддержку и военную помощь, используя свои связи, возникшие в ходе холодной войны, в то время как политика неприсоединения Индии и основанные на ней особые отношения с Советским Союзом были обречены. Частью реальной политики Китая была длительная и неизменная дружба с Пакистаном, в ходе которой сформировались устойчивые каналы распространения ядерного оружия и ракет, существующие до сих пор. Также ключевое значение имеет «большая игра», исторически придавшая геостратегическую важность Пакистану и Афганистану, поскольку соперничество великих держав в регионе началось задолго до холодной войны и даже образования Советского Союза. Это

отчетливо проявилось в военных союзах, в которые вступал Пакистан с первых лет после обретения им независимости.

Индия и Пакистан стремятся играть ведущую роль в ООН, а также региональных и межрегиональных организациях. Пакистан пытается привлечь ООН и других сторонних участников, но Индия настаивает на том, чтобы все политические проблемы решались в двустороннем формате, как, например, предусмотрено в Симлском соглашении 1972 г. Индия настаивает на том, чтобы контроль над вооружениями осуществлялся посредством мер, согласованных на многосторонней основе под эгидой ООН. Существенную роль в расширении влияния Пакистана в исламском мире сыграла организованная А.Х. Ханом сеть распространения ядерных технологий.

Иностранные державы не раз выражали обеспокоенность в отношении т.н. падающих государств и в этой связи, порой причисляли к ним Пакистан (что, возможно, и необоснованно) в связи с растущей угрозой терроризма и экономическими трудностями. Периодически они издавали памятки туристам, реальное воздействие которых может заключаться в смягчении кризисных ситуаций.

Выстраивание диалога. Таким образом, отношения взаимного сдерживания между Индией и Пакистаном испытывают влияние ряда факторов и, в частности, давление со стороны бывших супердержав. Наконец, при условии преодоления экономических проблем, оба государства имеют огромные возможности – реальные или потенциальные, как экономики, находящиеся в стадии становления – особенно при условии проведения ряда реформ и преобладания устойчивых взаимоотношений.

Диалог по вопросу мер укрепления доверия между Индией и Пакистаном проходит и на официальном уровне, и с использованием неофициальных каналов. Официальные диалоги можно охарактеризовать как предварительное зондирование относительно перспектив прояснения положений доктрин, большей открытости в обмене информацией об испытаниях/маневрах, предотвращения дестабилизирующих шагов, а также предотвращения применения ядерного оружия в результате просчета или случайности, налаживания системы раннего предупреждения и обеспечения линий «горячей связи» и каналов

связи между военачальниками уровня командующих военными операциями и для разрешения конфликтов.

В представленном описании различных аспектов стратегических взаимоотношений между Индией и Пакистаном отсутствует контроль над вооружениями, так как Индия считает возможным обсуждение вопросов контроля над ядерным вооружением и разоружения только в формате многосторонних переговоров под эгидой ООН и с участием всех государств, обладающих ЯО. Таким образом, Индия поддерживает идею начала переговоров по ДЗПРМ на Конференции по разоружению. Пакистан к этому не готов.

Индия продолжает соблюдать односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний как фактический запрет на испытания. То же самое делает и Пакистан. Подписание ДВЗЯИ как Индией, так и Пакистаном не представляется возможным в настоящее время. Индией было официально заявлено о том, что она не будет препятствовать вступлению в силу ДВЗЯИ. Индия исключает любые совместные с Пакистаном шаги в отношении ДВЗЯИ.

Важно отметить, что для индийских экспертов в вопросах стратегии любой диалог с Пакистаном без участия Китая представляется бессмысленным. Это связано с тем, что оказание Китаем содействия другим странам в области ядерных вооружений и ракет к настоящему времени является документально подтвержденным фактом.

Отношение Индии к Китаю основывалось на выстраивании двусторонних отношений, включающих торговлю и все иные аспекты добрососедских отношений. Дискуссии между Индией и Китаем по ядерным вопросам достаточно узко ограничиваются многосторонней повесткой дня, ориентированной на ООН.

Заключение. Представленное выше развернутое описание двусторонних отношений Индии и Пакистана может немного различаться в зависимости от позиции наблюдателя. Общность позиций в подходах обеих сторон и иных заинтересованных участников проявляется нечасто, за исключением периодов острых кризисов, в которых всем до сих пор удавалось договариваться о деэскалации конфликтов и избегать войны. В Южной Азии не было прецедента реализации необдуманных поспешных мер, как в других

регионах, в основном из-за сохраняющегося дефицита доверия, не говоря уже о различиях в моделях безопасности. Непосредственная территориальная близость Индии и Пакистана является фактором, осложняющим укрепление доверия, которое крайне желательно в условиях наращивания запасов ядерного оружия и средств его доставки.

3. ПОДХОД ПАКИСТАНА К ПРОБЛЕМЕ КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМ ВООРУЖЕНИЕМ

А.Султан

Пакистан был одним из главных сторонников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в ходе переговоров, проходивших в конце 60-х годов минувшего века. Его целью главным образом было не допустить превращения Индии в ядерное государство, а также предотвратить распространение ядерного оружия в Южной Азии. Поскольку Индия отказалась подписывать ДНЯО, назвав его «дискриминационным» и явлением «ядерного апартеида», Пакистан также решил не связывать себя какими-либо юридическими обязательствами и воздержался от подписания договора. Впоследствии ядерные испытания, проведенные Индией в 1974 г., оказали решающее влияние на формирование подхода Пакистана к усилиям по нераспространению ядерного оружия. С одной стороны, он предложил ряд мер на региональном уровне, которые могли помочь свернуть процесс распространения ЯО, а с другой стороны, начал создавать собственный ядерный потенциал, в связи с чем Пакистан стал придерживаться осторожного подхода в отношении различных международных усилий в области нераспространения ядерного оружия. После того, как Пакистан стал государством, открыто обладающим ядерным оружием, он решил присоединиться к некоторым международным инициативам в области нераспространения на основе взаимности и принципах совместного и недискриминационного подхода.

Начальные усилия в области нераспространения. Осознавая проблемы и серьезные последствия ядерного противостояния в регионе, Пакистан в 1974 г. предложил объявить Южную Азию зоной, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). В

1978 г. Исламабад внес предложение о том, чтобы Индия и Пакистан вместе отказались от обладания ядерным оружием или его производства и согласились на проведение взаимных инспекций на ядерных объектах друг друга. В 1979 г. со стороны Пакистана также последовало предложение о том, что оба государства могли бы принять всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ и отказаться от цели обладать собственным оружием. Эти предложения были направлены главным образом на то, чтобы свернуть ядерную программу Индии, так как Пакистан не мог позволить Индии создавать потенциал для производства оружия, поскольку это навсегда изменило бы стратегический баланс в ее пользу.

Впоследствии, когда стало очевидно, что полного отсутствия ядерного оружия в Южной Азии добиться не удастся, подход Пакистана в области контроля над вооружениями стал более прагматичным, и Исламабад сосредоточил усилия на сдерживании процесса распространения ядерного оружия на региональном уровне, вместо того чтобы призывать к его полной ликвидации. Поэтому в 1987 г., несмотря на то, что Индия ранее уже испытала атомное взрывное устройство, Пакистан предложил заключить региональный договор о запрещении испытаний ядерного оружия, который, в случае одобрения его со стороны Индии, мог бы предотвратить проведение ядерных испытаний в 1998 г. обеими странами. За этим последовало другое предложение: объявить Южную Азию зоной, свободной от ракетного оружия. В 1997 г. Пакистан также предложил заключить пакт о ненападении между двумя южноазиатскими соседями.

Наиболее комплексное предложение было сделано Индии в 1999 г., после того, как они с Пакистаном стали государствами, де-факто обладающими ядерным оружием. Это было предложение о создании режима стратегической сдержанности (РСС) в Южной Азии. Это предложение включало три взаимосвязанных принципа: разрешение конфликта, режим ракетной и ядерной сдержанности, а также соблюдение баланса в обычных вооружениях в регионе. Как и во всех предыдущих предложениях, Индия не увидела для себя выгоды в обсуждении с Пакистаном создания РСС в Южной Азии, в ходе которого можно было бы рассмотреть все проблемы политического и военного противостояния между двумя региональными соперниками.

Провал усилий по контролю над вооружениями в Южной Азии можно объяснить кардинальными различиями институтов власти в странах региона и различиями в национальных приоритетах. Индия оправдывает наращивание своих обычных и ядерных вооружений «ощущением» угрозы со стороны Китая и отказывается присоединяться к международным договоренностям в области контроля над вооружениями, ссылаясь на их «дискриминационный» характер. С другой стороны, подход Пакистана к вопросам контроля над вооружениями формировался, главным образом, исходя из действий или бездействия Индии, в той мере насколько они прямо или косвенно затрагивали безопасность Пакистана.

События последнего времени, повлиявшие на стратегическое мышление Пакистана. Вот некоторые из самых недавних событий, осложнивших обсуждение вопросов контроля над вооружениями, как на глобальном, так и на региональном уровнях: заключение в 2006 г. индийско-американского соглашения о сотрудничестве в сфере «мирного атома», и решение, принятое в 2008 г. Группой ядерных поставщиков (ГЯП), об отмене для Индии правил контроля за экспортом. Эти события влекут за собой серьезные долгосрочные последствия как в политической сфере, так и в области безопасности, поскольку они узаконивают статус Индии в качестве ядерного государства вне рамок ДНЯО, игнорируя при этом Пакистан, который добивается такого же признания.

После заключения индийско-американского соглашения и отмены ГЯП экспортных ограничений для Индии, она стала единственной страной, имеющей право вести торговлю ядерными материалами с другими членами ГЯП без каких-либо взаимных обязательств в области ядерного нераспространения. Призыв Пакистана к равному отношению не получил позитивного отклика со стороны большинства стран – членов ГЯП, которые руководствовались своими собственными политическими и коммерческими соображениями. С точки зрения Пакистана, такой подход является дискриминационным и может привести к росту разногласий между двумя региональными ядерными державами, а также затруднит участие Исламабада в различных действующих международных инициативах по вопросам нераспространения и разоружения.

Кроме того, что индийско-американское ядерное соглашение подрывает принятые на глобальном уровне нормы нераспространения, оно также несет в себе серьезные последствия для безопасности Пакистана. В соответствии с этим соглашением Индия получает возможность иметь, по крайней мере, восемь ядерных установок, не подпадающих под гарантии МАГАТЭ. Индия также получила беспрецедентный контракт на переработку отработанного американского топлива на двух установках. В прошлом такая щедрость распространялась только на ближайших союзников США, т.е. Японию и Евроатом. Гарантия поставок американского топлива на неограниченный срок может позволить в дальнейшем Индии выделить больше собственного урана на увеличение своего ядерного арсенала, а импортное топливо использовать, главным образом, для снабжения индийских атомных электростанций.

В течение последних нескольких лет руководители службы безопасности Пакистана указывали на некоторые другие факторы, которые могли бы повлиять на динамику региональной безопасности и неблагоприятно сказаться на восприятии угрозы Пакистаном. Среди них: предложение Индии о строительстве системы ПРО, которая могла бы подорвать стратегию эффективного минимального ядерного сдерживания Пакистана; индийские военные доктрины «холодный старт» и «активные операции» – направленные на то, чтобы применять в качестве «наказания» военную силу в отношении Пакистана, используя предполагаемую нерешимость Пакистана применить ядерное оружие; растущий дисбаланс в обычных вооружениях вследствие масштабного увеличения индийского оборонного бюджета в течение последних лет; а также попытки Индии приобрести ядерные средства морского базирования для нанесения ответного удара.

Эти обстоятельства не только неблагоприятным образом сказались на мировых усилиях в сфере нераспространения и контроля над вооружениями, но и оказали решающее влияние на формирование подхода Пакистана к различным вопросам, в особенности на продолжающиеся обсуждения Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) на Конференции по разоружению (КР). Это было очевидно из следующего заявления Национального командного управления

(НКУ) Пакистана – высшего органа, принимающего решения по всем вопросам, касающимся ядерного вооружения в стране:

«Позиция Пакистана будет определяться его национальными интересами безопасности и целями стратегической стабильности в Южной Азии. Избирательные и дискриминационные меры, которые увековечивают региональную нестабильность, в какой бы форме и каким бы способом они ни проводились, не согласуются с целями ядерного разоружения и нераспространения и поэтому не могут быть признаны или одобрены. Пакистан не будет поддерживать какие-либо подходы или меры, наносящие ущерб законным интересам его национальной безопасности»¹.

Пакистаном рассматривает ДЗПРМ как жизненно важный фактор в обеспечении национальной безопасности, поскольку он оказывает непосредственное влияние на региональную стабильность. Нельзя позволить, чтобы долгий период взаимного недоверия и подозрений, повлекший многочисленные кризисы в отношениях Индии и Пакистана, привел к нарушению уравнения безопасности в Южной Азии. Лица, принимающие решения в Пакистане, неоднократно заявляли, что Пакистан не намерен способствовать гонке вооружений с Индией, однако он не может принимать никаких мер по контролю над вооружениями, которые в конечном счете угрожали бы его интересам безопасности.

Дальнейшие перспективы. Международный режим нераспространения может стать только более устойчивым и всесторонним, если к нему присоединятся государства, обладающие ядерным оружием и не являющиеся членами ДНЯО. Главным образом – это Индия и Пакистан, ставшие ядерными государствами. Пока эти страны не будут интегрированы в общий режим нераспространения на недискриминационной основе маловероятно, что данный режим может стать универсальным и настолько прочным, что это застрахует его от дальнейших нарушений. Бывший генеральный директор МАГАТЭ г-н эль-Барадей вскоре после заключения ядерного соглашения между Индией и США также предупреждал против опасности, когда, как он писал, по отношению к государствам, не являющимися участниками ДНЯО,

¹ Statement by Pakistan's National Command Authority (NCA) of January 13, 2010. (http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&date=2010/1/13).

проводят традиционную политику запугивания. Такие действия более не являются реалистичным подходом для их вовлечения в общество единомышленников. В связи с этим он советовал искать другую стратегию для привлечения таких стран, как Пакистан, в качестве партнеров в сфере контроля над вооружениями и нераспространения.

Привлечь Пакистан на роль одного из главных участников глобальных мероприятий по контролю над вооружениями и нераспространению можно только с учетом существующих реалий и его интеграции в усилия, предпринимаемые на центральном направлении нераспространения, осуществляемого на недискриминационной основе. Кооперационные подходы, зиждущиеся на установленных нормах, могли бы способствовать снижению озабоченности Пакистана в отношении Индии и стимулировать его более активное участие в инициативах различного рода в области нераспространения. Это было бы полезно не только для региональной безопасности, но и могло бы укрепить усилия в области контроля над вооружением и нераспространением на глобальном уровне.

4. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА

П.В. Топычканов

Индия и Пакистан располагают динамично развивающимися военными ядерными программами. В политических отношениях Индии и Пакистана значителен конфликтный потенциал. Двусторонние отношения осложняются такими проблемами, как территориальные претензии, терроризм и экстремизм, споры о разделе водных ресурсов и влияние третьих стран. Дефицит мер доверия, нестабильный политический диалог между Индией и Пакистаном не способствуют предотвращению конфликтов. Узел противоречий, военное противостояние и развитие вооружений превращают Южную Азию в регион, в котором в настоящее время присутствует высокий риск применения ядерного оружия.

Ядерный выбор южноазиатских соперников. Вызовы, стоявшие перед Индией и Пакистаном в области безопасности, в 80-е годы XX в. привели к ситуации своеобразного «скрытого сдерживания», т.е. отношений взаимного сдерживания между странами, находящимися у «ядерного порога». Именно в 80-е годы оба государства обрели технологии и материалы, необходимые для создания ядерного оружия.

Государством, первым переступившим «ядерный порог» в Южной Азии, была Индия. В 1974 г. она осуществила т.н. мирный ядерный взрыв на полигоне Покхаран (штат Раджастан). Однако настоящей заявкой на вступление в клуб ядерных держав стали испытания 11 мая 1998 г., во время которых были взорваны три ядерных устройства мощностью в 45 кт, 15 кт и менее 1 кт. 13 мая были испытаны еще два заряда мощностью менее 1 кт. Ответ Пакистана был симметричным: за два дня Пакистан взорвал шесть

зарядов (Индия в 1998 г. взорвала пять зарядов, но с учетом ядерных испытаний 1974 г. получается, что всего она взорвала шесть зарядов).

По оценкам Международной комиссии по расщепляющимся материалам, в настоящее время Индия может иметь 80–100 боезарядов, Пакистан – 90–110. Оба государства обладают возможностями по наращиванию ядерного потенциала² (см. табл. 1).

Таблица 1.

Производство расщепляющихся материалов в Южной Азии, 2012

Страна	Обогащение урана		Наработка плутония	
	Объекты	Общие запасы ВОУ (90%)	Объекты	Общие запасы плутония оружейного качества
Индия	Обогащительное предприятие Атомного исследовательского центра имени Бхабхи (Ратехалли)	0,22-0,56 т	Атомный исследовательский центр имени Бхабхи (г. Тромбей), Тарапур-1, Тарапур-2, Калпаккам	0,5±0,15 т
Пакистан	Исследовательские лаборатории имени А.К.Хана (Кахута); обогатительные предприятия в Гадвале, Голре, Сихале	2,6 т	«Новые лаборатории» Пакистанского института ядерных наук и технологий (г. Нилор)	100 кг
Источники: International Panel on Fissile Materials (http://fissilematerials.org/); Standing Committee on Defense & Defense Production, Senate of Pakistan (http://www.senatedefencecommittee.com.pk/index.php?pageid=home).				

Как Индия, так и Пакистан стремятся к созданию ядерной триады, используя в качестве носителей ядерного оружия авиацию, наземные ракеты и разрабатывая ракеты и платформы морского базирования. Так, Индия может использовать многоцелевые истребители «Мираж-2000Н» для доставки бомб свободного падения. Кроме того, сообщается, что носителями ядерного оружия могут быть тактический ударный истребитель «Ягуар IS Шамшер» и

² Countries: India // International Panel on Fissile Materials (<http://fissilematerials.org/countries/india.html>); Countries: Pakistan // International Panel on Fissile Materials (<http://fissilematerials.org/countries/pakistan.html>).

многоцелевой истребитель Су-30МКИ³. В Пакистане ядерное оружие может быть размещено на многоцелевых истребителях «Ф-16А/В» и «Мираж-3/4»⁴. Некоторые индийские авторы считают, что такую же роль может играть пакистано-китайский многоцелевой истребитель «Джи-Ф-17»⁵, который оснащается российским двигателем РД-93⁶.

В отличие от Индии, Пакистан в обозримой перспективе способен разместить на истребителях крылатую ракету – «Раад» («Хатф-8»), которая проходит серию испытаний. Согласно официальным данным, «современная крылатая ракета «Раад», выполненная с применением технологии «стелс», способна лететь на низких высотах с огибанием рельефа местности, обладает высокой маневренностью и может доставлять ядерные или обычные боезаряды с высокой точностью»⁷. Крылатая ракета «Раад» может также стать главной системой основанного в мае 2012 г. Стратегического военно-морского командования, призванного обеспечить потенциал ответного удара⁸. В этой связи остается неясным вопрос о том, где будут размещаться крылатые ракеты подводных лодок (КРМБ) – на надводных кораблях или подводных лодках. Последнее представляется менее вероятным, поскольку, как известно из открытых источников, Пакистан не проводил испытательных подводных пусков.

Индия неоднократно проводила подобные пуски, последний из которых был осуществлен с подводной платформы в марте 2012 г. Речь идет об испытаниях баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) «К-15» («Сагарика»), дальность которой 750 км, а полезная нагрузка составляет, по разным оценкам, от 500 кг до 1 т. Кроме того, Индия разрабатывает БРПЛ «К-4», дальность которой

³ Kile Sh.N., Schell Ph., Kristensen H.M. Indian Nuclear Forces / SIPRI Yearbook 2012: Armaments, Disarmament and International Security. Ed. by Bates Gill. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 334.

⁴ Ibid. P. 338.

⁵ Pant H.V. Pakistan Thorn in China-India-U.S. Relations // The Washington Quarterly. Winter, 2012. P. 85.

⁶ «Джи-Ф-17» лучше «Сухих» – минобороны Пакистана. 11 августа 2010 // Перископ 2: новости ОПК и ВТС России (<http://periscope2.ru/2010/08/11/2684/>).

⁷ Press Release No. PR104/2011-ISPR. April 29, 2011 // ISPR – Inter Services Public Relations (http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&date=2011/4/29).

⁸ Press Release No. PR122/2012-ISPR. May 20, 2012 // ISPR – Inter Services Public Relations (http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&date=2012/5/19).

может достигать до 3500 км, а полезная нагрузка – около 1 т. Эти ракеты могут быть размещена на атомной подводной лодке (АПЛ) «Арихант», морские испытания которой начались в 2012 г. Эта подводная лодка оснащена четырьмя пусковыми установками. Она может нести либо 12 ракет «К-15», либо четыре «К-4». Принятие «Ариханта» на вооружение планируется в 2013 г.⁹ Важную роль в реализации этих планов играет ценный опыт, который Индия получает благодаря аренде российской многоцелевой АПЛ «Нерпа» («Чакра»), введенной в состав ВМС Индии в 2012 г. На ней проходит подготовку личный состав, который в дальнейшем будет служить на АПЛ индийского производства¹⁰.

Несмотря на определенные успехи в развитии воздушной и морской составляющей ядерной триады, ядерный потенциал Индии и Пакистана все еще основан на ракетно-ядерном оружии наземного базирования. Представляется, что на обозримую перспективу это оружие сохранит такую роль.

Ракетное оружие Индии. В середине 80-х годов прошедшего столетия правительство, возглавляемое премьер-министром Индирой Ганди, поручило Организации оборонных исследований и разработок (ООИР) реализацию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по трем направлениям, включая ракеты различных классов. С начала 80-х годов «Бхарат Дайнемикс Лимитед» (БДЛ) стала главным оборонным предприятием Комплексной программы по разработке управляемого ракетного оружия (КПРУО).

Оперативно-тактическая ракета (ОТР) «Притхви-1», способная нести как ядерную, так и обычную боевую часть, стала первым проектом КПРУО, утвержденным в 1983 г. По некоторым оценкам, от 5 до 10% технологий, использованных при создании данной ОТР, были основаны на иностранных разработках, включая технологии жидкостного двигателя и системы наведения¹¹. Ракета успешно прошла первые летные испытания в 1988 г. Всего было

⁹ Pandit R. India Quietly Gate Crashes Into Submarine-Launched Ballistic Missiles Club? // Times of India. July 31, 2012.

¹⁰ Емельяненко А. «Нерпа» вошла в состав ВМС Индии // Российская газета. 4 апреля 2012.

¹¹ India Defence Industry. October 16, 2002 // Central Investigation Agency (http://www.cia.gov/nic/pubs/research_supported_by_nic/conference_paper/bristow.htm).

проведено 14 тестов, из которых неудачным был всего один. В 1994 г. БДЛ запустила «Притхви-1» в производство¹².

За первой модификацией жидкостной ОТР семейства «Притхви» последовали другие: «Притхви-2» (первые летные испытания в 1992 г.) для военно-воздушных сил, «Дхануш» (2000 г.) и «Притхви-3» (2004 г.) для военно-морских сил. Вероятно, к настоящему времени БДЛ выпустил более 150 ракет «Притхви-1» и более 70 «Притхви-2» (см. табл. 2). Что касается «Притхви-3», то если БДЛ полностью выполнила заказы ВМС, у Индии должно быть более 80 ракет данной модификации. Однако эти ракеты пока не могут быть развернуты из-за отсутствия кораблей с пусковыми установками.

Система «Притхви» рассматривается как возможный экспортный товар. Еще в 1996 г. индийские власти включили ракеты «Притхви» в каталог экспортной продукции¹³.

Вторым проектом КПРОУО, утвержденным в 1983 г.¹⁴, стала баллистическая ракета средней дальности (БРСД) «Агни». Главным разработчиком ракеты была «Эдвансд Системс Лэборатори» (Хайдерабад), а на БДЛ была возложена задача непосредственного производства¹⁵. Первые летные испытания «демонстратора технологий Агни» были проведены в 1989 г., за которыми последовали тесты 1992 и 1994 гг.

На основе полученных результатов в 1995 г. было принято решение о создании боевой системы «Агни-2». В 1999 г. были проведены ее первые летные испытания. Затем последовали тесты других модификаций данного семейства: «Агни-1» (первые летные испытания в 2002 г.), «Агни-2 Прайм/Плас» (2010 г.), «Агни-3» (2006 г.) «Агни-4/5» (на стадии НИОКР). Предположительно только одноступенчатая твердотопливная ОТР «Агни-1» и двухступенчатая твердотопливная БРСД «Агни-2» были приняты на вооружение¹⁶.

¹² BDL Milestones // Bharat Dynamics Limited (<http://bdl.ap.nic.in/milestones.htm>).

¹³ Kumar D. Prithvi, Other Missiles Available For Export // Times of India. January 14, 1996; Pandit R. New Delhi Planning to Sell Missiles to Friends // Times of India. May 2, 2003.

¹⁴ Subramanian T.S. A Success Story // Frontline. 2005. Vol. 22. Issue 20.

¹⁵ Missile Defense Headlines Update. May 14, 2010 – May 20, 2010 / Ed. by P. Lahr. Alexandria: Missile Defense Advocacy Alliance, 2010. P. 32.

¹⁶ Pandit R. Op. cit.

Промышленное производство «Агни-1» началось с 2004 г., «Агни-2» – с 2001 г.

19 апреля 2012 г. Индия провела испытание баллистической ракеты «Агни-5», что позволило официальным лицам сказать, что Индия присоединилась к «элитарному клубу» государств, обладающих ракетами межконтинентальной дальности¹⁷. В действительности, «Агни-5», которая, вероятно, относится к ракетам средней дальности, может быть принята на вооружение к 2015 г. в случае серии успешных тестов¹⁸.

Таблица 2.

Баллистические ракеты Индии

<i>Название</i>	<i>Класс</i>	<i>Боеголовка</i>	<i>Начало производства</i>	<i>Объем ежегодного производства</i>	<i>Всего произведено</i>	<i>Стоимость одной ракеты</i>
Притхви-1	ОТР	Обычная	1994	10-50 ракет семейства Притхви	~150	Около 500 тыс. долл. За одну ракету семейства
Притхви-2	ОТР	Обычная	2004?		~70	
Притхви-3	ОТР	Ядерная	2004?		~80	
Дхануш	ОТР	Ядерная	2003?		Не менее 25	
Сагарика	ОТР	Ядерная	?		?	
Агни-1	ОТР	Ядерная	2004	?	?	?
Агни-2	БРСД	Ядерная	2001	10-18	~100	4,8-6,6 млн. долл.
Агни-3	ОТР	Ядерная	?	?	?	?
Агни-4/5	БРСД	Ядерная	?	?	?	?
Источник: составлено автором						

Ракетное оружие Пакистана. Развитие пакистанской ракетной программы проходило в тесной кооперации с другими странами. Имеются подозрения относительно того, что с 1997 г. Пакистан начал передачу КНДР технологий создания ядерного оружия и проведения его испытаний, получив взамен технологии

¹⁷ India Test-Fires Agni-V; Joins Elite Missile Club // Deccan Herald. 2012. Apr. 19.

¹⁸ Pandit R. India Quietly Gate Crashes Into Submarine-Launched Ballistic Missiles Club? // Times of India. July 31, 2012.

создания ракет средней дальности. Речь идет о пакистанских ракетах с жидкостным ракетным двигателем «Гхаури-1», -2 и -3 (первая испытана 6 апреля 1998 г., вторая – 14 апреля 1999 г., третья, возможно, – 15 августа 2000 г.¹⁹). По некоторым оценкам, «Гхаури-1» является полной копией северокорейской ракеты «Нодон», а «Гхаури-2» и -3 – результат совмещения северокорейских технологий с собственными разработками²⁰.

Развитие пакистанских ракет семейства «Шахин» происходило при помощи Китая. Так, «Шахин-1» является пакистанским вариантом китайской ракеты «Дунфан-15». Первые летные испытания «Шахин-1» были проведены 15 апреля 1999 г. На параде в 2000 г. Исламабад продемонстрировал двухступенчатую ракету средней дальности «Шахин-2», а также ракету с дальностью в 2500 км, способную нести 700-килограммовый полезный груз²¹.

Все ракеты Пакистана могут оснащаться как ядерной, так и обычной головной частью, но, по некоторым сообщениям, власти этой страны приняли решение использовать только обычные боеголовки на ракетах «Хатф-1» и «Хатф-2/Абдали» (как и Индия решила использовать обычные боеголовки на ОТР «Притхви-1» и «Притхви-2»)²². Однако, из примерно 360 ракет (см. табл. 3), которыми располагает Пакистан, только сотня может быть оснащена ядерными боеголовками. Есть предположения о том, что в настоящее время Пакистан стремится перевести свою ядерную программу с уранового направления на плутониевое²³. В отсутствие индийско-пакистанских мер доверия, касающихся оснащения ракет ядерными или обычными головными частями, запуск одной из сторон ракеты с обычной боеголовкой может быть ошибочно

¹⁹ Тронов А.М., Лукоянов А.К. Средства доставки ядерного оружия Пакистана (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/17-05-06b.htm> от 17.05.2006).

²⁰ Pakistan and North Korea: Dangerous counter-trades // IISS Strategic Comments. November 2002. V. 8. Issue 9. P. 1; Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Nuclear, Biological, and Chemical Threats. Wash., 2005. P. 108–109.

²¹ Тронов А.М., Лукоянов А.К. Указ. соч.

²² Kumar A., Vannoni M. Op. cit. P. 42.

²³ Moskalenko V., Topychkanov P. Nuclear Pakistan: Possibilities of Neutralizing the Threats to the NPT Regime / Russia: Arms Control, Disarmament and International Security. IMEMO Supplement to the Russian Edition of the SIPRI Yearbook 2009. Ed. by A. Kaliadine, A. Arbatov. Moscow: IMEMO, 2010. P. 135.

определен как ядерная атака и вызвать ответный ядерный удар другой стороны.

В мирное время, когда и Индия, и Пакистан поддерживают свои ядерные силы в состоянии пониженной боевой готовности, такой сценарий представляется маловероятным, поскольку приведение ядерных сил одной стороны в полную боевую готовность займет время, достаточное для оценки последствий предшествовавшей ракетной атаки другой стороны. Но в условиях конфликта, когда стороны могут повысить уровень боеготовности ядерных сил, такой сценарий становится более вероятным.

Только БРСД «Хатф-6»/«Шахин-2» может поражать цели на всей территории Индии. Предположительно все ракеты данного класса, численность которых составляет более 10, оснащены пусковыми установками²⁴. Дальность других ракет также позволяет Пакистану угрожать важным военным и административно-промышленным центрам Индии, включая столицу Нью-Дели.

Пакистан, предположительно, планирует ядерные удары не только по административно-промышленным центрам Индии, но также и по вооруженным силам, в том числе и на своей территории, в случае их вторжения²⁵. С этим связано многообразие оперативно-тактических ракет включая разрабатываемую «Хатф-9»/«Наср». Согласно официальным данным эта ракета, имеющая дальность 60 км и повышенную точность, запускается с многоствольной пусковой установки, позволяющей вести огонь со сменой огневой позиции²⁶.

²⁴ Kristensen H. Pakistani Nuclear Forces, 2007. May 9, 2007 // FAS Strategic Security Blog (http://www.fas.org/blog/ssp/2007/05/article_pakistani_nuclear_forc.php). В 2007 г. Ханс Кристенсен предположил, что Пакистан готовился к развертыванию «Hatf-6»/«Shaheen-2», на что Тасним Аслам, официальный представитель Министерства иностранных дел Пакистана, заявила: «Это спекуляция, которая частично содержит правду, частично – вымысел» (цит. по: A Day Later, Pak Plays Down Report on GeNext N-Missile // The Times of India. 2007. May 11).

²⁵ Интервью автора с представителем государственного ведомства Пакистана, пожелавшим сохранить анонимность (Исламабад, 27 октября 2010 г.).

²⁶ Press Release No. PR94/2011-ISPR. April 19, 2011 // ISPR – Inter Services Public Relations (http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=1721).

Таблица 3.

Баллистические ракеты Пакистана, 2011

Название	Дальность, км	Полезная нагрузка, кг	Боеголовка	Принята на вооружение
Хатф-1	70-100	500	Обычная	1992
Хатф-2 / Абдали	180-260	250-450	Обычная	2005
Хатф-3 / Газнави	400	500	Ядерная	2004 (?)
Хатф-4 / Шахин-1	>450	700-1000	Ядерная	1999
Хатф-5 / Гаури-1	1300	1000	Ядерная	1998
Хатф-5А / Гаури-2	1500-1800	700	Ядерная	1999 (?)
Хатф-6 / Шахин-2	2500	700	Ядерная	2005 (?)

Источник: составлено автором

Ядерные доктрины Индии и Пакистана. Индия и Пакистан не имеют официальных доктрин, но общее представление о роли ядерных сил этих стран можно получить из официальных заявлений и документов. В соответствии с решением правительственного Комитета по укреплению мер безопасности 4 января 2003 г., «ядерная доктрина Индии может быть сведена к следующему: 1) создание и поддержание надежного минимального сдерживания; 2) отказ от нанесения ядерного удара первыми означает, что ядерное оружие будет применено только в ответ на ядерное нападение на индийскую территорию или индийские вооруженные силы; 3) ответ на первый удар будет массированным и рассчитанным на нанесение неприемлемого ущерба...»²⁷

Согласно заявлению пакистанского премьер-министра Наваза Шарифа 20 мая 1999 г., «основными элементами ядерной политики Пакистана являются сдержанность, стабильность и надежное минимальное ядерное сдерживание»²⁸.

В концепциях минимального ядерного сдерживания Индии и Пакистана существуют известные противоречия.

²⁷ Cabinet Committee on Security Reviews Progress in Operationalization India's Nuclear Doctrine // Press Information Bureau, Government of India, January 4, 2003 (<http://pib.nic.in/archieve/lreng/1yr2003/rjan2003/04012003/r040120033.html>).

²⁸ Remarks of the Prime Minister of Pakistan, Nawaz Sharif, on Nuclear Policies and the CTBT, National Defence College, Islamabad, May 20, 1999 (Цит. по: Ayaz Ahmed Khan. Indian Offensive in the Kargil Sector // Defence Journal. June 1999 (<http://www.defencejournal.com/jun99/indian-offensive.htm>)).

Во-первых, как Индии удастся согласовать данную концепцию со стремлением обеспечить потенциал массированного ответного удара?

Во-вторых, будет ли Индия строго следовать обязательству ненападения ядерного удара первой, если над ней нависнет реальная угроза ядерного нападения, а у нее все еще не будет ни развернутой системы ПРО, ни живучих средств ответного удара?

В-третьих, воздержится ли Пакистан от наращивания ядерного арсенала и повышения его боеготовности в мирное время, если военно-технологическое развитие Индии приведет к развертыванию системы ПРО, созданию ею мощного потенциала ответного удара и сокращению времени, необходимого для оперативного развертывания ядерных сил Индии?

Контроль над вооружениями. Между Индией и Пакистаном нет соглашений в области контроля над вооружениями, что может объясняться следующими мотивами.

Во-первых, Индия и Пакистан наращивают и модернизируют свои ядерные силы в расчете на достижение превосходства друг над другом и не желают связывать себе руки соглашениями об их ограничении.

Во-вторых, Индия пока не признает Пакистан равным себе государством и не желает легализовать какое-либо равенство с ним через соглашения об ограничении вооружений (которые по определению могут быть только равноправными).

В-третьих, ядерные силы Индии направлены не только на Пакистан, но и на КНР, и равные с Пакистаном ограничения могут ослабить позиции Дели в военном балансе с Пекином.

В-четвертых, Пакистан стремится к преимуществам по ядерным средствам, чтобы компенсировать большое отставание от Индии по силам общего назначения.

В-пятых, Индия не хочет обмениваться с Пакистаном даже общей информацией о составе и структуре своих ядерных сил, чтобы эта информация не была передана второму вероятному индийскому противнику – Китаю.

В-шестых, Индия и Пакистан декларируют приверженность минимальному ядерному сдерживанию, но не хотят закреплять эти позиции юридически обязывающим образом, опасаясь обмана или обхода ограничений со стороны контрагента.

В то же время в области мер доверия Индия и Пакистан подписали ряд документов:

- Соглашение о запрете нападения на ядерные объекты (1991);
- Соглашение о предварительном уведомлении об испытаниях баллистических ракет (2005);
- Соглашение о предотвращении чрезвычайных происшествий с ядерным оружием (2007).

Ни одно из этих соглашений не предусматривает механизмы и процедуры верификации. Можно предположить, что в условиях территориальной близости и высокой активности разведывательных служб в некоторых сферах не ощущается необходимость в особых механизмах верификации. Например, подготовка одной из стран к ракетным испытаниям вряд ли будет замечена другой страной. Учитывая высокую вероятность осведомленности второй страны, первая будет заинтересована в ее уведомлении, дабы избежать неправильной интерпретации ракетных испытаний. Тем не менее отсутствие согласованных механизмов верификации дает Индии и Пакистану больше возможностей для односторонних шагов, способных привести к дестабилизации в регионе.

Развитие мер доверия наиболее активно происходило во время индийско-пакистанского «Комплексного диалога» 2004–2008 гг. Идея этого диалога была озвучена в 1998 г. Пакистаном как часть предложения по «режиму стратегической сдержанности». Хотя это предложение не было поддержано индийской стороной, некоторые ее идеи нашли отражение в Лахорской декларации 1999 г., например: «[Оба правительства] должны предпринять шаги для того, чтобы снизить риск случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, и обсудить термины и доктрины в целях разработки мер доверия в областях ядерных и обычных вооружений ради предотвращения конфликтов».

Двусторонние соглашения о мерах доверия 2005–2007 гг. – это непосредственный результат «Комплексного диалога». Он был свернут после террористического нападения на Мумбаи в 2008 г., поскольку Индия обвинила Пакистан в поддержке террористов. Возобновление диалога в 2012 г. пока не привело к обсуждению

«терминов и доктрин в целях разработки мер доверия в областях ядерных и обычных вооружений».

Развитие наступательных и оборонительных вооружений Индии и Пакистана заставляет их постоянно пересматривать ключевые принципы ядерной политики, прежде всего минимального ядерного сдерживания. Количественные и качественные характеристики ядерных арсеналов для Индии и Пакистана постоянно меняются.

Индия, придерживающаяся обязательства неприменения ядерного оружия первой, предполагает использование ядерных сил как оружия ответного удара. Однако в настоящее время ядерные силы Индии вряд ли обладают достаточной живучестью и надежностью, чтобы избежать уничтожения в результате первого удара вероятного противника.

Индия стремится к созданию сил, имеющих возможность при любых условиях нанести удар по главным политическим, экономическим и военным центрам на территории Пакистана и Китая. Возможно, индийские планы предполагают также создание неядерного контрсилового потенциала.

В отличие от этого Пакистан планирует использование ядерного оружия не только против политических и экономических центров, но также и против обычных сил на территории Индии или, в случае их вторжения в Пакистан, на своей территории.

Существует опасность асимметричного ответа Пакистана на растущие возможности Индии в области наступательных и оборонительных вооружений, включая диверсии и терроризм. Эксперты в Пакистане понимают чрезвычайно дестабилизирующий эффект такого акта, но выбор асимметричного ответа может быть сделан вопреки мнению экспертов – под влиянием внутренних факторов.

Чтобы предотвратить наихудший сценарий, Индия, Пакистан и третьи страны должны уделить большое внимание предотвращению конфликтов между Индией и Пакистаном и, особенно, возможности использования ядерного оружия.

Ради этой цели оба государства могли бы обеспечить частичную транспарентность ядерных сил, касающуюся их структуры и размещения: например, подписать верифицируемое соглашение о неразмещении ядерного оружия в приграничной зоне.

Даже если с военной точки зрения такое соглашение не будет обладать большим смыслом (поскольку в кризисной ситуации будет быстро обратимо), с политической точки зрения оно может иметь положительное влияние на индийско-пакистанские отношения.

Уменьшению риска ядерного конфликта способствовало бы достижение взаимных обязательств не разворачивать ядерное оружие на спорных территориях.

Те же цели могут быть достигнуты взаимным снижением боевой готовности ОТР (то есть легализовать существующую практику раздельного хранения носителей и ядерных боеголовок) с условием уведомлений об изменении такого статуса во время учений. При этом обе страны пока сохраняли бы возможность односторонне изменять уровень боевой готовности ракет средней и в будущем – межконтинентальной дальности, которые они могут нацеливать друг на друга и на цели за пределами Южной Азии.

Официальное утверждение национальных ядерных доктрин и включение в них принципа неприменения ядерного оружия первыми также способствовало бы укреплению стабильности в регионе. Пока Пакистан считает это неприемлемым ввиду превосходства другой стороны по силам общего назначения (кстати, такой же доктринальной логикой руководствуются Россия и Израиль).

Поэтому в будущем для всеобъемлющего военного урегулирования потребуются также соглашения об ограничении количественных уровней и географии дислокации сил общего назначения сторон, мерам доверия и транспарентности. Это реалистично только на основе решения территориального спора и других проблем отношений двух стран.

5. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА К ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

А.Г. Арбатов

Военно-политические и стратегические ядерные отношения между отдельными членами девятки ядерных государств совершенно различны и потому вся среда отношений внутри этой группы стран крайне неоднородна.

О возможности многосторонних переговоров. Между многими из них вообще нет никаких стратегических отношений. Например, между Израилем и Северной Кореей (КНДР) – им не о чем вести переговоры друг с другом.

Поэтому трудно представить многосторонние переговоры по ядерному разоружению в рамках девяти ядерных государств. Северная Корея (КНДР) это «незаконное» ядерное государство (многие считают, что она вышла из ДНЯО с грубыми нарушениями его статей). Израиль – «не признавшееся» ядерное государство, поскольку он не подтверждает и не отрицает обладания ядерным оружием, на какой политической основе он может вести переговоры о его ограничении?

Отсюда возникает вопрос: может тогда не девять, а семь? Однако Индия и Пакистан в стратегическом контексте «зациклены» друг на друга, а Индия еще и на Китай. Ядерные силы Индии и Пакистана, их уровни и модернизация определяются в указанном двух- и трехстороннем формате.

Они не имеют никакого отношения к ядерным потенциалам России и США и их ограничениям. Сокращение ядерных вооружений России и США в военно-стратегическом смысле (в

отличие от деклараций в ООН) теснейшим образом взаимозависимо, но никак не увязано с ограничениями Индии и Пакистана.

Тогда, может быть, не семь, а пять? Обсуждения вопросов ядерного оружия «большой пятерки» уже ведется. Но оно, скорее всего, никогда не превратится в практические переговоры по ограничению вооружений. США, Британия и Франция – союзники по НАТО, их силы во многом дополняют друг друга. Ограничение вооружений США зависит от ограничений России (а в будущем – и Китая), но не Британии и Франции.

Ограничение сил и программ КНР нельзя уравнивать с ограничениями европейских ядерных держав. Китай, в отличие от них, ни с кем не состоит в военно-политическом союзе и не защищен гарантиями безопасности. Китайские ядерные силы рассчитаны не на Британию и Францию, а на США, Индию, по умолчанию – возможно, на Россию. Любое вероятное ограничение сил КНР зависит лимитов на США, Россию, Индию, но не от регламентов на вооружения в рамках «большой пятерки».

Раз речь идет об Индии, то, видимо – не «пятерка», а «шестерка». Но без Пакистана обсуждать Индию бессмысленно – выходит снова «семерка»? Получается замкнутый круг многостороннего формата.

Обсуждать эти вопросы в формате «пятерки» вполне возможно и приятно, почему не поговорить? Но в плане практического выхода этот форум – просто еще одна мини-конференция по разоружению вроде той, что есть в Женеве. И расширение с «пятерки» на «семерку», «восьмерку» или «девятку» ничего не даст, а еще больше девальвирует качество дискуссии. Очень легко представить, что скажут другие государства «девятки», адресуясь к РФ и США, и что в свою очередь им ответят Россия и США. Одни будут говорить: сокращайтесь дальше, и мы когда-нибудь присоединимся. А другие – что без присоединения третьих стран дальнейшие сокращения невозможны. Это – еще один замкнутый круг многостороннего формата.

Тем не менее реформативное ядерное разоружение с двухстороннего на многосторонний процесс, все-таки, видимо, возможно. Но это возможно не путем присоединения к переговорам все новых ядерных государств, а через создание дополнительных форумов, прежде всего, двухсторонних – между теми

государствами, которые реально находятся между собой в отношениях взаимного ядерного сдерживания, которое создает базу для переговоров.

Ведь практической основой переговоров по разоружению является принцип: «Я уступаю что-то за то, чтобы вы уступили что-то мне». Например, Израилю и Северной Корее не о чем вести такие переговоры, равно как Британии и Франции с США, хотя и по разным причинам. Другие государства, как США и КНР или Британия и Россия имеют такой предмет для переговоров, однако баланс ядерных вооружений между ними слишком неравен, что крайне затрудняет соглашения, которые в этой области обычно опираются на примерное равенство сторон и предполагают равноправие в балансе компромиссов.

С этой точки зрения, Индия и Пакистан – абсолютно уникальная пара государств, своеобразный «биполь» в том многостороннем ядерном балансе, который включает девять ядерных государств и еще несколько пороговых стран. Дело в том, что эта пара государств имеет отношения взаимного ядерного сдерживания и примерно сопоставимые ядерные силы. У них есть некий ядерный паритет с разными асимметриями и различиями, но это гораздо более близкая «сопоставимость», чем между любыми другими странами групп «девятки», кроме РФ и США.

У России и США именно на этой базе исторически строились переговоры по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Вместе с тем это регион, где опасность применения ядерного оружия очень велика. И это является важнейшим стимулом, чтобы всемерно способствовать началу диалога, а затем и практических переговоров об ограничении ядерных вооружений между Индией и Пакистаном.

Опыт 40-летних переговоров СССР/США (РФ/США) показывает, что ядерные вооружения, охваченные соглашениями – совсем другая субстанция, нежели те же вооружения, не охваченные никакими соглашениями, мерами транспарентности и ограничениями. Ядерное оружие имеет огромный политический смысл, и если оно охвачено соглашениями, то представляет собой намного менее серьезную угрозу миру, чем в ином случае. Также ограничения, меры доверия и предсказуемости понижают вероятность их применения в оперативном отношении, позволяют с

уверенностью прогнозировать стратегическую ситуацию на будущее.

Теперь по поводу привходящих моментов. Нельзя не согласиться с утверждением представителя Индии, посла Шармы – о дефиците доверия. Однако доверие не «упадет с неба». Доверие вырабатывается по мере переговоров, заключения соглашений и соблюдения этих соглашений. Между СССР и США никакого доверия не было, пока не начались переговоры по ядерным вооружениям. Несмотря на шероховатости и даже периодически возникающие серьезные противоречия, за 40 лет доверие между двумя державами в стратегической сфере намного возросло. Этому более всего способствовали переговоры и заключенные договоры.

Конечно, в случае Индии и Пакистана нужно учитывать политическую ситуацию, нельзя строить «прожекты», оторванные от реальности. Но нельзя и всецело погружаться только в политические неурядицы и сбрасывать со счетов материальную базу военных отношений: системы, силы, стратегии. То есть – всю ту тематику, которая выдвинется на передний план, как только будет поставлен вопрос о практических переговорах.

Время идет быстро, и многие события забываются, а успешные переговоры, такие как между СССР и США, задним числом могут представляться в идиллическом свете. Следует, однако, напомнить, что 40 лет назад советско-американские переговоры шли в крайне неблагоприятных условиях войны во Вьетнаме: в частности, под конец переговоров в 1972 г. были бомбежки Ханоя и минирование Хайфонского залива, когда были повреждены советские суда. Визит Никсона в Москву был на грани срыва, а к этому саммиту готовились первое Соглашение ОСВ и Договор по ПРО.

В то время многие в советском партийно-государственном аппарате говорили, что политическая ситуация абсолютно не допускает заключения каких-либо соглашений. Если бы тогда Леонид Брежнев не занял другую позицию и не подписал бы этих документов, то вполне вероятно, что процесс ограничения стратегических вооружений так бы и не начался. Ведь вслед за этим были другие осложнения: падение Южного Вьетнама, события на Африканском Роге, Ангола, Никарагуа, Афганистан, «звездные войны» Рейгана, американские ракеты «Першинг-2» в Европе и т.д.

Если бы в 1972 г. не начали процесс ограничения ОСВ/СНВ, то возможно, что и сейчас ничего бы не имели по части сокращения ядерных вооружений или достижения были бы гораздо скромнее.

Поэтому, хотя политические отношения и доверие очень важны, но важен также процесс переговоров, который сам по себе является важнейшим направлением улучшения политических отношений и укрепления доверия, а не просто отвлеченной борьбой за ядерное разоружение.

Индии и Пакистану можно предложить взять за модель соглашения Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Обоим государствам можно было бы, например, заключить такого рода договор, только не с целью достижения «двойного глобального нуля», а с целью установления равного потолка на ракеты определенной дальности. На основе всех деталей и пониманий, которые были уже отработаны и содержатся в Договоре РСМД, можно было бы заключить договор об установлении равного уровня на соответствующие вооружения, которые подпадают под Договор РСМД. Это наземные баллистические и крылатые ракеты дальностью действия от 500 км до 5500 км. Эти системы составляют большую часть средств имеющихся у Индии и Пакистана. Как вариант, для начала можно было бы охватить только ракеты средней дальности (1000–5500 км).

В то же время подобное соглашение не охватит авиацию, морские силы, а также межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Таким образом, Индия может использовать вышеназванные силы, как определенный потенциал в балансе сил с Китаем. Пакистан тоже будет иметь аналогичное право, хотя вряд ли им воспользуется.

Такое ограничение общим равным потолком, будь то 50, 100 или 150 носителей, было бы уже очень большим шагом вперед. Представляется, что подобная схема заслуживает того, чтобы о ней подумать, не отрицая важности всех прочих политических и психологических моментов, например, терроризма, внутренней нестабильности в Пакистане, территориального конфликта и пр.

Как известно, Индия беспокоится о Китае, а не только о Пакистане, поскольку речь идет о ядерном противостоянии в Южной Азии. Однако втянуть Китай в соглашение в формате трехсторонних переговоров не удастся, потому что КНР в свою

очередь ядерные силы страны направляет более всего на сдерживание США, а Индию сдерживает по «остаточному принципу».

Такая стратегическая «разновекторность» не редкость: США и СССР (Россия) до сих пор вели двусторонние переговоры об ОСВ и СНВ, хотя Китай был «адресатом» стратегии ядерного сдерживания обеих держав, а Британия и Франция были «на прицеле» СССР и России. Но трехсторонние переговоры между Индией, Пакистаном и КНР едва ли возможны в практической плане, как и между Россией, КНР и США. Другой вопрос, что переговоры между Китаем и США об ограничении ядерных сил могли бы служить дополнительной гарантией безопасности для Индии, если она пойдет на ограничение определенных классов и типов своего ядерного оружия путем соглашений с Пакистаном. Точно также соглашения между Россией и США дают косвенную поддержку безопасности Китая, Британии и Франции.

ВЫВОДЫ

1. Индия и Пакистан являются проблемными государствами, «ядерный статус» которых не признается с позиций современного международного права. Любая попытка признать эти государства в качестве «ядерных» означает удар по режиму нераспространения, базирующемуся на ДНЯО. Признание Индии и Пакистана ядерными державами будет означать пересмотр основ ДНЯО и фактический конец этого договора, а также и всего построенного на нем современного режима ядерного нераспространения. В случае столь радикального изменения Договора получится, что страны, не подписавшие ДНЯО, не поставившие свою ядерную инфраструктуру под гарантии МАГАТЭ и успешно реализовавшие военные ядерные программы, могут избавиться от всех издержек такого курса и вступить в Договор и режим нераспространения в «ядерном статусе», приобретя весомый военно-политический выигрыш. Это станет соблазнительным примером для всех пороговых ядерных государств и вызовет цепную реакцию распространения ЯО.

2. Наличие ядерного оружия у Индии и Пакистана создает угрозу эскалации любого двустороннего конфликта до уровня ядерного. В то же время некоторые эксперты настаивают на наличии сдерживающей роли ядерного оружия, в том числе и на Индостанском полуострове. Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Возможно, обладание ядерным оружием заставит государства вести себя более осторожно. Но если вооруженный конфликт между ними все-таки произойдет (как случилось в 1999 г. уже после ядерных испытаний двух держав) – его последствия могут быть неизмеримо более катастрофическими и в региональном и в глобальном масштабах. Какой фактор перевесит – во многом вопрос стечения обстоятельств.

3. Отношения взаимного сдерживания между Индией и Пакистаном испытывают влияние со стороны других ядерных держав. Ни та, ни другая страна не имеют официальных доктрин, что затрудняет объективный анализ их представлений о роли ядерного оружия.

Однако узел противоречий, военное противостояние и развитие вооружений превращают Южную Азию в регион, в котором ныне есть самый высокий риск применения ядерного оружия.

4. Для Индии «ядерный статус» – это символ фактической принадлежности к державам не только с региональными, но и глобальными интересами и соответствующими позициями, которые можно отстаивать в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего в рамках ООН и ее Совета Безопасности.

В военном же смысле, «ядерный статус» Индии нацелен на сдерживание своего главного стратегического противника, которым, по преобладающей оценке политических и военных международных экспертов, включая самих индийцев, остается Китай.

Военное значение элементов индийской ядерной доктрины, несмотря на их недостаточную ясность, по сути, сводится к способности Индии нанести Пакистану неприемлемый ущерб ответным ядерным ударом.

5. Пакистан свой «ядерный статус» в международном контексте ассоциирует с лидерством в исламском мире, поскольку он является единственным мусульманским государством, обладающим ракетно-ядерным оружием. Кроме того, он остается потенциальным донором ракетных и ядерных технологий для других исламских государств.

Трудно представить, что пакистанская военно-политическая элита мыслит категориями упреждающего разоружающего ядерного удара по Индии. Однако, исходя из специфики соотношения сил и тенденций модернизации ядерных вооружений сторон, можно допустить, что Пакистан готовится использовать ЯО первым для ударов по индийским силам общего назначения. На ответный массированный ядерный удар Индии планируется причинить Индии неприемлемый ущерб ядерным ударом по крупным городам-

мегаполисам. Это может представлять собой военный смысл пакистанского «ядерного статуса».

Серьезную озабоченность вызывает также фактор внутренней нестабильности, который при определенных условиях может повлечь утерю контроля над ядерным арсеналом или его отдельными частями.

6. Ряд событий последнего времени еще более обострили ситуацию в регионе. Так индийско-американское соглашение о сотрудничестве в сфере «мирного атома», и решение, принятое в 2008 г. Группой ядерных поставщиков, об отмене в отношении Индии правил контроля за экспортом влекут за собой серьезные долгосрочные последствия и в политической сфере, и в области безопасности. Они рассматриваются как шаг на пути легитимации Индии в качестве ядерного государства.

Предпринимаемые Индией усилия по строительству системы ПРО, которая, теоретически, может поставить под сомнение потенциал ядерного сдерживания Пакистана, создает дополнительный стимул для гонки ядерных вооружений как внутри региона, так и в контексте отношений Индии с Китаем.

Для отношений Индии и Пакистана характерен относительно невысокий (по сравнению с «традиционными» ядерными державами) уровень развития «ядерной культуры». В отсутствие индийско-пакистанских мер доверия, касающихся оснащения ракет ядерными или обычными головными частями, запуск одной из сторон ракеты с обычной боеголовкой, например, может ошибочно быть определен как ядерная атака и вызвать ответный ядерный удар другой стороны.

7. Определенную надежду вселяет наметившийся взаимный политический зондаж между Дели и Исламабадом, который имеют целью расширение взаимных представлений относительно ядерной политики и военных приготовлений сторон. В качестве позитивного фактора следует рассматривать то, что каждая из стран соблюдает односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний.

Между Индией и Пакистаном нет соглашений в области контроля над вооружениями. В то же время Дели и Исламабад подписали ряд соглашений в области мер доверия, что свидетельствует о «договороспособности» сторон.

8. Необходимо принятие комплекса мер, направленных на стабилизацию двусторонних отношений, предотвращение вооруженного конфликта, в особенности, с применением ядерного оружия. Ради достижения этой цели оба государства могли бы обеспечить частичную транспарентность ядерных сил, касающуюся их структуры и размещения: например, подписать верифицируемое соглашение о неразмещении ядерного оружия в приграничной зоне.

9. Также снижению риска ядерного конфликта способствовало бы достижение взаимных обязательств не разворачивать ядерное оружие на спорных территориях. Те же цели могут быть достигнуты путем взаимного снижения боевой готовности ракет (т.е. легализации существующей практики раздельного хранения носителей и ядерных боеголовок) и уведомлением об изменении такого статуса во время учений.

10. В качестве практической модели соглашения об ограничении вооружений Индии и Пакистану можно было бы взять, например, Договор о РСМД между СССР и США от 1987 г. Такого рода договор можно было бы заключить не о «двойном глобальном нуле», а на основе всех деталей и пониманий, которые были уже отработаны и содержатся в Договоре о РСМД – об определенном равном потолке (например, в 50, 100 или 150 носителей) на соответствующие вооружения, которые подпадают под договор РСМД. Под ограничения могли бы быть поставлены наземные баллистические и крылатые ракеты дальностью действия от 500 км до 5500 км (или поначалу с дальностью 1000–5500 км). Эти системы составляют большую часть ракетных средств, имеющих у Индии и Пакистана.

В то же время такие ограничения не охватывали бы авиацию, морские силы, а также МБР. Таким образом, у Индии оставались бы ядерные средства как определенный запас в балансе сил с Китаем.

11. Китай свои ядерные силы направляет более всего на сдерживание США, а Индию сдерживает по «остаточному принципу». Трехсторонние переговоры между Индией, Пакистаном и КНР едва ли возможны в практической плане, как и между Россией, КНР и США. Другой вопрос, что переговоры между Китаем и США об ограничении ядерных сил могли бы служить дополнительной гарантией безопасности для Индии, если она

пойдет на ограничение определенных классов и типов своего ядерного оружия путем соглашений с Пакистаном.

12. Индийское руководство считает возможным обсуждение вопросов контроля над ядерным вооружением и разоружения только в формате многосторонних переговоров под эгидой ООН и с участием всех государств, обладающих ЯО. Такая специфическая позиция пока является больше пропагандистской, а не практической постановкой вопроса, и служит в качестве предлога для отказа от двусторонних переговоров (к которым не стремится и Пакистан).

Впрочем, эта линия открывает возможности для посредничества стран «большой пятерки» и международных организаций в деле повышения уровня стабильности в индо-пакистанских отношениях в ядерной области, налаживания не только двустороннего, но и многостороннего диалога по широкому кругу проблем ядерной безопасности в Южной Азии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АПЛ	атомная подводная лодка
АЭС	атомная электростанция
БДЛ	«Бхарат Дайнемикс Лимитед»
БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	баллистическая ракета средней дальности
ВВС	военно-воздушные силы
ВМС	военно-морские силы
ВУЗ	высшее учебное заведение
ГЯП	Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗПРМ	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ЗСЯО	Зона свободная от ядерного оружия
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
ИНК	Индийский национальный конгресс
КНР	Китайская народная республика
КПРУРО	Комплексная программа по разработке управляемого ракетного оружия
КР	Конференции по разоружению
КРМБ	крылатая ракета морского базирования
ЛК	линия контроля
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
НАСА	Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства США

НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НКУ	Национальное командное управление Пакистана
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
ООИР	Организации оборонных исследований и разработок
ООН	Организация Объединенных Наций
ОТР	оперативно-тактическая ракета
ПРО	противоракетная оборона
РСМД	Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (1987 г.)
РСС	режим стратегического сдерживания
СААРК	Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества
ЯО	ядерное оружие
ISI	Inter-Services Intelligence (Межведомственная разведка, Пакистан)
LeT	Lashkar-e-Taiba (Лашкар- и-Тайба)
NTI	Nuclear Threat Initiative

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список участников конференции, состоявшейся
18 октября 2012 г. в ИМЭМО РАН

1. А.А. Дынкин, директор ИМЭМО РАН, академик РАН.
2. Аскар Акбаев, первый секретарь Посольства Казахстана в Российской Федерации.
3. А.Г. Арбатов, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН.
4. И.А. Ахтамзян, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО (У) МИД России.
5. Тасним Ахтар, второй секретарь Посольства Великобритании в Российской Федерации.
6. Эльдар Байрамов, первый секретарь Посольства Азербайджана в Российской Федерации.
7. В.Г. Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН, академик РАН.
8. Т.Л. Босюк, третий секретарь Посольства Украины в Российской Федерации.
9. Робин Брукс, первый секретарь Посольства США в Российской Федерации
10. Е.П. Бужинский, старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке).
11. С.С. Веселовский, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России.
12. В.И. Владимиров, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
13. Б.М. Волхонский, старший научный сотрудник сектора Азии Российского института стратегических исследований.

14. А.В. Воронцов, заведующий Отделом Кореи и Монголии ИВ РАН.
15. Яцек Вэсоловски, заместитель военного атташе Посольства Польши в Российской Федерации, подполковник.
16. В.З. Дворкин, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, генерал-майор (в отставке).
17. Е.А. Друзин, корреспондент газеты «Военно-промышленный курьер».
18. А.С. Дьяков, главный научный сотрудник Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии.
19. В.В. Евсеев, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, подполковник (в отставке).
20. М.Г. Евтодьева, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
21. В.И. Есин, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, генерал-полковник (в отставке).
22. А.З. Жебин, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН.
23. Е.Л. Жигун, директор Института Ближнего Востока.
24. И.Д. Звягельская, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России.
25. В.М. Иванов, корреспондент Интерфакс-АВН.
26. С.М. Иванов, ведущий научный сотрудник Центра международных исследований ИМЭМО РАН.
27. Э.В. Кириченко, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН.
28. Роман Ковальчук, первый советник Посольства Польши в Российской Федерации.
29. М.Б. Кустовский, первый секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.
30. Е.В. Мясников, директор Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии.
31. Е.В. Новиков, заместитель начальника отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований.

32. С.К. Ознобишев, заведующий сектором Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
33. А.Н. Перенджиев, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
34. А.В. Радчук, советник начальника Генерального штаба ВС Российской Федерации, полковник (в отставке).
35. В.П. Радюхин, корреспондент газеты «Хинду» (Индия).
36. Н.П. Ромашкина, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
37. В.И. Рыбаченков, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии.
38. Л.Ф. Рябихин, заведующий сектором Центра научных исследований Комитета ученых за глобальную безопасность.
39. В.И. Сажин, ведущий научный сотрудник ИВ РАН.
40. В.Ю. Сизов, руководитель Центра военно-стратегических исследований ИСК РАН.
41. Ю.В. Тавровский, главный редактор журнала «Дипломат».
42. П.В. Топычканов, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
43. В.И. Трубников, член дирекции ИМЭМО РАН, генерал армии (в отставке), чрезвычайный и полномочный посол.
44. Яков Хавив, военный атташе Посольства Израиля в Российской Федерации, полковник.
45. А.А. Храмчихин, заместитель директора Института политического и военного анализа.
46. С.В. Целицкий, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
47. А.Д. Цыганок, руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа, полковник (в отставке).
48. П.Г. Черемушкин, сотрудник политического отдела Посольства США в Российской Федерации.
49. Д.А. Чижов, научный сотрудник Отдела стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
50. Маргарет Чунг, аспирантка кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России.

51. Г.И. Чуфрин, член дирекции ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.
52. Шил Кант Шарма, главный научный сотрудник Центра военно-воздушных исследований (Нью-Дели, Индия), чрезвычайный и полномочный посол.
53. Питер Шредер, второй секретарь Посольства США в Российской Федерации.
54. А.И. Шумилин, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСК РАН.